

Чэнь ФАНБО

РОЛЬ КИТАЯ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ГЛОБАЛЬНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Дата поступления в редакцию: 23.03.2026.

Для цитирования: *Фанбо Ч.*, 2026. Роль Китая в формировании нового глобального энергетического порядка. – *Геоэкономика энергетики*. №2 (34). С. 60–76. DOI: 10.48137/26870703_2026_34_2_60

В статье исследуется трансформация глобального энергетического порядка, которая, по мнению автора, представляет собой переход от американского доминирования к асимметричной многополярности с ключевой ролью Китая. Изменение баланса сил ведет к росту геополитической неопределенности и трансформации глобального энергетического порядка. Автор анализирует позиции Китая в данном процессе. Китай, оставаясь крупнейшим мировым импортером углеводородов, одновременно превращается в одного из технологических лидеров зеленой энергетики. Показано, что китайская стратегия энергоперехода тесно связана с задачами внутренней экономической модернизации и обеспечения энергетической безопасности страны в условиях геополитической нестабильности. В статье подробно рассматривается внешнеполитическая стратегия Китая по формированию энергетической сверхдержавы (能源强国), включающая закрепление технологического лидерства в сфере энергетики, укрепление влияния на глобальное энергетическое нормотворчество, продвижение юаня для дедолларизации расчетов в глобальном масштабе, а также создание альтернативных финансовых институтов. Ее реализация опирается на многосторонние механизмы (ШОС, БРИКС, АСЕАН), а основной материальной платформой выступает инициатива «Один пояс – один путь» с ее новой моделью «сотрудничество на рынке с третьими сторонами» (第三方市场合作模式). Особое внимание уделяется влиянию двух факторов на внешнюю энергетическую стратегию КНР: доминирующей роли угля в национальном энергобалансе и геополитической нестабильности в странах – экспортерах

ФАНБО Чэнь, аспирант кафедры политологии МГЛУ. Адрес: 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1. Email: fangboc@mail.ru. ORCID: 0009-0002-0919-385X. SPIN-код: 6437-1022.

Ключевые слова: геополитика, глобальное управление, глобальный энергетический порядок, Китай, «Один пояс – один путь», технологический суверенитет, энергетическая безопасность, энергетический переход.

энергии. В статье делается вывод, что Китай, как крупнейший потребитель энергоресурсов в мире, играет важную роль в процессе формирования нового глобального энергетического порядка.

Введение

Глобальный энергетический порядок представляет собой систему распределения власти и контроля между акторами над ресурсами, инфраструктурой, технологиями и рынками в мировой энергетике [Engdahl, 2004]. Вслед за изменением глобального баланса сил в течение последних десятилетий глобальный энергетический порядок, который с середины 70-х гг. XX в. держался на нефтедолларовом стандарте, в настоящее время претерпевает кардинальную трансформацию.

Энергетический рынок на протяжении десятилетий использовался США в качестве инструмента геополитического давления, позволявшего США контролировать мировое развитие через управление доступом к энергии и поддержание спроса на доллар [Ергин, 2018]. С окончанием холодной войны стратегия Соединенных Штатов Америки сместилась к установлению прямого контроля над ресурсами в глобальном масштабе в рамках концепции «доминирования во всем спектре» [Stokes, Raphael, 2010]. Стремительный рост Китая как крупнейшего импортера нефти делает его главной целью американской политики сдерживания через контроль над маршрутами транспортировки и источниками энергоресурсов [王海运, 2015]. В рамках существовавшего глобального порядка энергетическая безопасность Китая была подвержена существенным рискам.

Современный глобальный энергетический порядок находится в состоянии масштабной трансформации, которую характеризует переход от однополярного доминирования к асимметричной многополярности. Прежний гегемон (США) постепенно теряет свою абсолютную власть, однако новое устойчивое равновесие между ним и возникающими новыми центрами силы еще не установилось [Шаклеина, 2025: 45]. Энергетический порядок перестал быть стабильной системой и превратился в поле острой конфронтации. США пытаются удержать гегемонию через силовой контроль над ресурсами (как в случае с Венесуэлой и Ираном). «Временное управление» нефтяными продажами Венесуэлы и «превентивный удар» по Ирану при поддержке США поставили мировые поставки энергоресурсов под угрозу. Такие действия Соединенных Штатов Америки представляют собой попытку восстановить контроль над маргинализированными странами — поставщиками энергоресурсов и ограничить доступ своих геополитических конкурентов к ним (китайские инвестиции в нефтяной сектор Венесуэлы к 2026 г. достигли порядка 10 млрд долл.¹). В то

¹ Venezuela Needed Cash. Their Deal Faces a Turning Point // <https://www.nytimes.com/2026/01/05/business/venezuela-oil-china-deal.html>, дата обращения 01.02.2026.

же время на фоне американского давления сформировался мощный противовес в лице «большого БРИКС», который к 2026 г. контролировал уже более 40 % мировой добычи нефти и газа [IEA, 2025]. Взаимодействие этих стран в энергетической сфере формирует альтернативную систему глобального регулирования энергетики, функционирующую независимо от западных правовых и финансовых институтов [Boute, 2023].

Таким образом, в настоящее время происходит трансформация глобального энергетического порядка в форме противостояния между уходящей американской гегемонией и альтернативными моделями, формирующимися в геополитическом пространстве Глобального Юга. Обеспечение энергетической безопасности Китая в рамках прежнего глобального энергетического порядка, для которого было характерно доминирование стран Запада, не отличалось высоким уровнем надежности. В этой связи КНР вместе со всеми заинтересованными странами принимает активное участие в трансформации прежнего порядка.

Роль Китая в мировой энергетике

Роль Китая в формировании нового глобального энергетического порядка определяется его статусом одного из технологических лидеров в области энергетики. Будучи крупнейшим потребителем энергоресурсов в мире, Китай обеспечивает около 27–28 % мирового потребления энергии, а также импортирует четверть сырой нефти и треть природного газа в глобальном масштабе [IEA, 2025]. Это позволяет стране иметь уникальные позиции, чтобы определять будущие тенденции и цены на глобальном энергетическом рынке. В то же время перемещение центра мирового хозяйственного развития в Азию закрепляет за Китаем роль крупнейшего потребителя и регулятора глобальных энергетических потоков [Варнавский, 2025]. По прогнозам, к 2030 г. доля Китая может достичь 21,3 % мирового ВВП².

Китай закрепляет за собой статус глобального лидера в области чистой энергетики. В 2025 г. объем экспорта оборудования в этой сфере достиг 1,165 трлн долл., при этом на долю КНР приходится 60–85 % глобальных производственных мощностей на всех этапах цепочки поставок³. Более того, Китай демонстрирует беспрецедентные темпы развития атомной энергетики. В 2026 г. в стране эксплуатировалось 59 энергоблоков, а строились еще 35 [中国核能行业协会, 2026]. По количеству строящихся объек-

² China's Share of Global GDP 2025-2030 // <https://www.worldeconomics.com/Share-of-Global-GDP/China.aspx>, дата обращения 18.02.2026.

³ Strengthening supply chains can improve resilience and reduce economic security risks for key energy technologies // <https://www.iea.org/news/strengthening-supply-chains-can-improve-resilience-and-reduce-economic-security-risks-for-key-energy-technologies>, дата обращения 17.04.2026.

тов Китай уже обошел российского лидера – «Росатом». Ожидается, что к 2030 г. Китай обгонит США по установленной мощности атомной генерации и станет мировым лидером в этой области. Примечательно, что полная технологическая самостоятельность Китая в разработке ключевых компонентов атомного энергооборудования значительно укрепляет безопасность энергоснабжения страны. В 2025 г. атомные электростанции обеспечили 4,82 % электропотребления Китая, а к 2035 г. эта доля прогнозируется на уровне примерно 10 %⁴.

Данное лидерство обусловлено необходимостью обеспечения энергетической безопасности страны при вынужденном сохранении высокой доли импорта углеводородов. Глобальный рынок энергетических технологий стремительно развивается: по прогнозам, к 2035 г. его объем достигнет 2 трлн долл. [IEA, 2026]. В то же время чистая энергетика играет возрастающую роль в китайской стратегии развития: в 2025 г. ее вклад в рост ВВП уже превысил одну треть⁵. С учетом вышеизложенного темпы энергоперехода в Китае, вероятно, сохранятся на высоком уровне, что подтверждается масштабами инвестиций в данный процесс. Совокупный объем китайских инвестиций в 2024 г. достиг 818 млрд долл., что превышает суммарные вложения США (338 млрд долл.), стран ЕС (381 млрд долл.) и Великобритании (65,3 млрд долл.) за аналогичный период [BNEF, 2025].

Международное сотрудничество как важное направление энергетической стратегии КНР в новую эпоху

Китайская энергетическая стратегия, сформулированная в 2026 г. в качестве одного из важных элементов программы социально-экономического развития страны, базируется на концепции энергетической сверхдержавы (能源强国) [中华人民共和国国民经济和社会发展第十五个五年规划纲要, 2026]. Данная концепция нацелена на ускорение процесса «зеленого перехода» в китайской энергетике, что позволит обеспечить энергетическую безопасность страны и укрепить влияние на глобальном энергетическом рынке. Ее выдвижение продиктовано не столько экономическими соображениями, сколько глубинной геополитической нестабильностью современного энергетического порядка [Кришталь, 2025]. Важным инструментом реализации данной стратегии выступает международное сотрудничество, в рамках которого можно выделить следующие приоритеты:

⁴ 全国核电运行情况 (2025年1-12月) = Состояние эксплуатации атомных электростанций Китая в 2025 г. // <https://www.china-nea.cn/site/content/53075.html>, дата обращения 16.04.2026.

⁵ Clean energy drove more than a third of China's GDP growth in 2025 // <https://www.carbonbrief.org/analysis-clean-energy-drove-more-than-a-third-of-chinas-gdp-growth-in-2025/>, дата обращения 18.04.2026.

- экспорт высокотехнологичной энергетической продукции;
- усиление влияния на формирование глобальных энергетических правил;
- снижение долларовой зависимости (дедолларизация);
- гибкое финансирование зарубежных проектов;
- продвижение концепции «справедливого перехода».

В условиях системного противостояния с Западом технологическое доминирование в сфере энергетики становится для Китая новым и высокоэффективным инструментом снижения зависимости от импорта традиционных углеводородов и повышения способности адаптироваться к геополитической нестабильности. При этом технологическая самостоятельность становится не просто секторальной концепцией, а важным направлением новой энергостратегии КНР⁶. Эта цель достигается за счет развития зеленой энергетики и экспорта энергетических технологий и оборудования. В 2025 г. экспорт китайских зеленых технологий достиг 120 млрд долл.⁷, ключевыми рынками являются Европа, Азия и Северная Америка⁸.

Инициатива «Глобальное партнерство в области чистой энергии» (全球清洁能源伙伴关系) служит институциональной основой данной стратегии, центром которой является развитие чистой энергетики в развивающихся странах и технологический обмен. В рамках этой инициативы в ее формировании участвуют страны Европы, Африки, государства Персидского залива и АСЕАН. Главной материальной платформой реализации стратегии экспорта высокотехнологичной энергетической продукции выступает инициатива «Один пояс — один путь» (ОПОП). Трансформация ОПОП в направлении зеленого развития стала одним из важнейших трендов последних лет. Принятый в 2024 г. на министерской конференции ОПОП План действий по сотрудничеству в области зеленой энергетики (2024-2029) («Один пояс — один путь»绿色能源合作行动计划) сформировал приоритетные направления энергетического сотрудничества со странами-участницами с акцентом на технологии возобновляемой энергетики и системы накопления энергии⁹.

⁶ 深入学习贯彻党的二十届四中全会精神和中央经济工作会议精神 为建设能源强国努力奋斗 = Глубоко изучать и применять дух Четвертого пленума ЦК КПК XX созыва и дух Центральной конференции по экономической работе, усердно трудиться для построения энергетической сверхдержавы // <https://www.nea.gov.cn/20251216/a1aef545b65b4128a4a0b6e49d3bf73a/c.html>, дата обращения 08.02.2026.

⁷ China Is Beating the US in the Battle for Energy Export Dominance // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-10-05/china-s-clean-energy-exports-are-beating-us-fossil-fuels>, дата обращения 15.11.2025.

⁸ Tracking China's clean energy export dominance in seven charts // <https://www.reuters.com/markets/commodities/tracking-chinas-clean-energy-export-dominance-seven-charts-2025-10-09/>, дата обращения 15.11.2025.

⁹ «Один пояс — один путь»绿色能源合作再升级 = В рамках инициативы «Один пояс, один путь» сотрудничество в области зеленой энергетики расширено // <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0VP75NHM.html>, дата обращения 18.04.2026.

Примечательно, что инициатива ОПОП нередко воспринимается Западом как инструмент геополитической экспансии Китая под видом экономического сотрудничества. В ответ на это Китай продвигает новую модель энергетического взаимодействия – «сотрудничество на рынке с третьими сторонами» (第三方市场合作模式), чтобы снизить геополитическую окраску инициативы и подчеркнуть ее инклюзивный характер. Данная модель характеризуется совместными экономическими проектами китайских и иностранных компаний на территории страны, расположенной вдоль инициативы «Одного пояса – одного пути». Иллюстрацией служит совместный проект Китая и ЕС в сфере ВИЭ в Африке¹⁰.

Глобальные правила являются источником легитимности и «мягкой силы», определяя долгосрочные национальные интересы держав. Изменение баланса сил создает для восходящей державы как потребность, так и возможность пересмотра существующих глобальных правил, чтобы они лучше отражали ее возросший вес и национальные интересы. Следовательно, соперничество за влияние на глобальное нормативное регулирование становится центральным компонентом внешнеполитических стратегий государств. В глобальной энергетике великие державы демонстрируют разные подходы в этом соперничестве. Китайский подход, в частности, отличается адаптацией к изменению баланса сил в глобальной энергетике через сочетание экономических инвестиций, институционального строительства, технологической стандартизации и геополитического выравнивания. Институционализация влияния на глобальном энергетическом рынке обусловлена экономическими и системными интересами Китая: снижением барьеров для энергоинвестиций и защитой зарубежных активов.

Ассоциированное членство в МЭА демонстрирует возможности взаимодействия с устоявшимися организациями. Участие в климатических конференциях ООН, включая соучредительство в Открытой коалиции совместимых углеродных рынков, позволяет участвовать в формировании правил глобального энергоперехода. Кроме того, на фоне фрагментации глобального энергетического рынка государства «мирового большинства» все чаще отдают приоритет региональным форматам (БРИКС, ШОС, АСЕАН) и защите национальных интересов региональными средствами [Киселев, 2024]. В рамках этих многосторонних платформ Китай возглавляет создание новых энергетических институтов, включая Энергетический клуб Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), формируя тем самым альтернативные центры нормотворчества.

¹⁰ 加强中欧非三方合作推动全球能源向“绿”转型 = Укреплять трехстороннее сотрудничество между Китаем, Европой и Африкой в целях содействия глобальному энергопереходу // http://www.chinatoday.com.cn/chinafrica/202412/t20241231_800388595.html, дата обращения 18.04.2026.

В настоящее время в Китае созданы шесть региональных платформ энергетического сотрудничества (Китай – АСЕАН, Китай – Центральная Азия и др.), а также тематические форумы, включая Конференцию министров энергетики стран в рамках инициативы «Один пояс – один путь». В то же время из-за отсутствия четких правил на международном энергетическом рынке страны стремятся к диверсификации партнерств и стратегическому хеджированию рисков, чтобы не зависеть от одного внешнего игрока. При этом Китай образует двусторонние партнерства с главными экспортёрами энергоносителей, такими как Россия, Саудовская Аравия и государства Центральной Азии.

На финансовом уровне стратегия Китая по обеспечению национальной энергетической безопасности в международной торговле реализуется через снижение долларовой зависимости и внедрение новых финансовых механизмов. Ключевыми инструментами выступают использование китайского юаня в расчетах за энергоносители на Шанхайской бирже нефти и природного газа (*SHPGX*) и развитие новых моделей проектного финансирования. Для обеспечения финансовой безопасности и снижения зависимости от системы *SWIFT* Китай создал Межбанковскую систему банковских переводов в юанях (*CIPS*) для продвижения расчетов в юанях в международной торговле. Энергетика с ее большими объемами и стабильными потоками поставок становится важным направлением реализации китайской стратегии интернационализации юаня.

В 2023 г. китайские госкомпании *CNOOC* и *CNPC* впервые осуществили расчеты за импорт сырой нефти и СПГ с использованием юаня [渠沛然, 2023: 10]. В российско-китайской торговле, где на энергоносители приходится треть двустороннего товарооборота¹¹, доля расчетов в юанях за нефть и газ превысила 40 % после начала украинского конфликта и продолжает увеличиваться¹². Помимо расчетов Китая за поставки энергоресурсов в юанях, наблюдается расширение использования китайской валюты и другими государствами в их энергетических операциях. К 2025 г. в условиях постепенной стабилизации индийско-китайских отношений и ужесточения западных санкций против России индийские государственные нефтяные компании нарастили объемы расчетов за российскую нефть в юанях [Аранова, 2025]. Аналогично и Япония выбрала юань для получения дивидендов по проекту «Сахалин»¹³, что указывает на растущее признание китайской валюты как инструмента международных расчетов. При этом к 2025 г. китай-

¹¹ Торговля энергоресурсами Китая и России достигла \$47,6 млрд в 2025 г. // <https://tass.ru/ekonomika/25172761>, дата обращения 17.11.2025.

¹² Об экономическом сотрудничестве и топливном рынке // <https://smotrim.ru/video/3035126>, дата обращения 17.11.2025.

¹³ Russia pays Sakhalin dividends in Chinese yuan // <https://asia.nikkei.com/politics/ukraine-war/russia-pays-sakhalin-dividends-in-chinese-yuan>, дата обращения 17.11.2025.

ский юань стал третьей наиболее используемой валютой в системе международных расчетов, уступая лишь доллару США и евро [中国人民银行, 2025].

Несмотря на активные усилия Китая по продвижению национальной валюты в международных расчетах, процесс ее интернационализации сталкивается с существенными техническими и системными ограничениями. Ключевыми структурными барьерами выступают ограниченный глобальный охват платежной инфраструктуры *CIPS* в сравнении с системой *SWIFT* и доминирование долларовой ценообразования на международном энергетическом рынке. Преодоление этих барьеров требует решения сложнейших институциональных задач и формирования доверия со стороны международных участников. В этой связи стратегия Китая направлена не на немедленное замещение доллара, а на реализацию долгосрочного стратегического маневра по снижению системных рисков. Создание альтернативных каналов международных расчетов и диверсификация валютных резервов становятся для Китая вопросом обеспечения национальной экономической безопасности в условиях усиливающейся геополитической конфронтации. Интернационализация юаня рассматривается как постепенный процесс, нацеленный на построение многополярной мировой финансовой архитектуры [Миловидов, 2026: 12].

Осуществление транснациональных энергетических проектов требует преодоления значительных финансовых барьеров, связанных с масштабными первоначальными инвестициями, долгим сроком реализации этих проектов и политической нестабильностью. Это обуславливает потребность в гибких финансовых инструментах и крупных источниках капитала. Создавая новые многосторонние финансовые институты, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ; объем финансирования к 2026 г. превысил 69 млрд долл.¹⁴), Фонд Шелкового пути (объем инвестиций к 2025 г. составил более 26 млрд долл.¹⁵), Китай получает возможность осуществлять прямое кредитование, минуя регулирующие рамки традиционных западных структур финансирования (МВФ, Всемирный банк). Параллельно Китай развивает ряд специализированных финансовых инструментов, включая экологические облигации и целевые кредиты¹⁶.

Как показывает международная практика, в случае смены режимов на проамериканские (как в Венесуэле) долгосрочные материальные активы страны-кредитора могут быть поставлены под угрозу, а месторождения (например, в поясе Ориноко) — изъяты в пользу западных компаний.

¹⁴ A decade of AIB // <https://impact.aiib.org/>, дата обращения 12.02.2026.

¹⁵ Silk Road Fund. Investment Portfolio // <https://www.silkroadfund.com.cn/enweb/tzdt/tzgl/index.html>, дата обращения 12.02.2026.

¹⁶ 关于印发《绿色金融支持项目目录（2025年版）》的通知 = Официальное опубликование обновленного реестра проектов для экологического финансирования // <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/5779612/index.html>, дата обращения 17.11.2025.

Стремясь минимизировать политические риски, Китай разрабатывает более гибкие модели финансирования энергетических проектов за рубежом, включая участие в капитале, технологический экспорт и диверсификацию партнеров (например, Бразилия, Гайана) [董亮, 2026].

Концепция «справедливого перехода» (公正转型), нашедшая отражение в преамбуле Парижского соглашения 2015 г., позиционируется в качестве одного из ключевых принципов китайского энергетического сотрудничества с другими странами [Jinping, 2025]. Суть этой концепции для стран Глобального Юга заключается в обеспечении баланса между климатическими целями и правом развивающихся стран на экономическое развитие [Joseph, Naz, 2025]. Китай настаивает на том, что развивающиеся страны должны иметь достаточные возможности для экономического роста даже в условиях глобальной климатической трансформации, а развитые страны должны нести историческую ответственность за выбросы и предоставлять реальное финансирование, а не навязывать новые торговые барьеры [Bouzarovski, 2023]. В рамках концепции «справедливого перехода» Китай активно выступает на международных площадках, например на Конференции ООН по изменению климата (COP), в качестве защитника интересов стран Глобального Юга. В целом, продвижение этой концепции Китаем можно рассматривать в контексте укрепления его роли в глобальном управлении, а также как попытку предложить альтернативную модель международного сотрудничества, которая контрастирует с подходами, расставляющими приоритеты в пользу быстрого сокращения выбросов без учета экономических издержек для развивающихся стран.

В отличие от классической модели расширения геополитического влияния с использованием энергетических инструментов, основанной на военной силе или контроле над энергетическими объектами, акцент китайской модели делается на энергетическом сотрудничестве в рамках экономического партнерства, которое позволяет углубить взаимозависимость с другими странами и тем самым снизить риски в условиях геополитической нестабильности. Об этом свидетельствует расширение китайских инвестиций в энергетику стран Глобального Юга. Таким образом, в условиях трансформации глобальной энергетической системы Китай обеспечивает свою энергетическую безопасность на основе технологического лидерства в чистой энергетике, а также способности внедрять новые финансовые механизмы торговли энергоресурсами.

Геополитические вызовы

Как отмечалось выше, китайская экономика в значительной степени зависит от импорта нефти и газа. Эту объективно существующую уязвимость КНР пытаются использовать США в рамках реализации своей стратегии

геополитического сдерживания Китая. Параллельно Соединенные Штаты решают задачу по сохранению прежнего глобального энергетического порядка [*National Security Strategy...*, 2025]. В начале 2026 г. администрация Д. Трампа активизировала свои действия в этом направлении. В январе в результате спецоперации была поставлена под американский контроль нефтедобывающая промышленность Венесуэлы — страны, обладающей самыми большими запасами нефти в мире. Эти действия США напрямую затронули интересы Китая, масштабы инвестиций которого в добычу нефти в этой латиноамериканской стране измеряются миллиардами долларов. Следует полагать, что и судьба этих инвестиций, и продолжение поставок венесуэльской нефти в Китай станут рычагом давления в арсенале Д. Трампа в ходе переговоров с китайским руководством.

Еще одним рычагом давления на КНР стала блокада Ормузского пролива в ходе начавшейся 28 февраля 2026 г. американо-израильской военной операции против Ирана. Последствия для Китая оказались серьезными: через Ормузский пролив проходит примерно 40 % китайского импорта нефти и 50 % поставок СПГ¹⁷. Несмотря на большие стратегические запасы нефти, созданные в КНР, Китай столкнулся с рядом негативных последствий для своей энергетической безопасности. Речь идет не только о ситуативном повышении мировых цен на «черное золото», но и о серьезной дестабилизации глобальной энергетической системы в целом.

В сложившихся условиях неожиданно выигрышным обстоятельством оказалась традиционно сохраняющаяся большая зависимость китайской энергетики от угольной генерации, на долю которой приходится более половины общего объема производства электричества в стране¹⁸. Китай является одним из мировых лидеров по объемам угледобычи, что позволяет ему почти на 90 % обеспечивать потребности отечественных электростанций за счет местного сырья¹⁹. В этой связи доля угольной генерации в китайской энергетике в ближайшие годы вряд ли сократится.

Следует полагать, что венесуэльский и иранский геополитические шоки вынудят китайское руководство принять ряд мер в целях повышения уровня энергетической безопасности КНР. Наряду с сохранением угольной генерации очевидной является необходимость дальнейшего развития атом-

¹⁷ 海关总署. 统计数据查询平台 = Главное таможенное управление КНР. Платформа статистических данных (запрос данных) // <http://stats.customs.gov.cn/>, дата обращения 18.04.2026.

¹⁸ 能源局. 2025年可再生能源并网运行情况 = Национальное энергетическое управление (NEA) КНР. О подключении к сети и эксплуатации возобновляемых источников энергии за 2025 г. // <https://www.nea.gov.cn/20260212/742b8c6a078347b0b39de676c05c5d58/c.html>, дата обращения 18.04.2026.

¹⁹ 国家统计局. 数据查询 = Национальное бюро статистики (NBS) КНР. Статистические базы данных (запрос данных) // <https://data.stats.gov.cn/dg/website/page.html#/pc/national/yearData>, дата обращения 18.04.2026.

ной энергетики и ускорения «зеленого перехода», который проводится с опорой на китайские технологии, сырье и материалы. После блокировки Ормузского пролива еще более очевидной становится высокая уязвимость Малаккского пролива, значение которого для китайской энергетики трудно переоценить. В этих условиях еще более значимыми становятся сухопутные трубопроводные маршруты импорта нефти и газа, в том числе из России.

Венесуэльский и иранский кризисы окажут серьезное воздействие и на глобальную энергетическую систему. Неизбежно усиление тенденции ее фрагментации. Механизм диверсификации партнеров, маршрутов поставок и платежных платформ становится в глобальном масштабе приоритетом для стран, стремящихся обеспечить свою энергетическую безопасность. Это создает возможность для таких китайских альтернативных платформ, как платежная система *CIPS*, и финансовых институтов (например, АБИИ) превратиться в эффективные инструменты, способствующие формированию многополярного энергетического мирового порядка. Одновременно в рамках энергетической диверсификации различных государств следует ожидать увеличения значимости нетрадиционных морских энергетических маршрутов (например, Северного морского пути), а также неуглеродных ресурсов (возобновляемой и атомной энергетики).

Таким образом, в краткосрочной перспективе Китай не сможет преодолеть объективную зависимость от импорта углеводородов, что в сочетании с геополитической нестабильностью создает вызовы для энергетической безопасности страны. В этих условиях международное сотрудничество в энергетической сфере представляет собой приоритетное направление внешней политики Китая. Данная стратегия осуществляется преимущественно через многосторонние механизмы (БРИКС, ШОС, АСЕАН) и инициативу «Один пояс — один путь». Основанные на принципе взаимной выгоды и совместного выигрыша (互利共赢) региональные приоритеты энергетического сотрудничества Китая будут проявляться в трех главных направлениях: углублении взаимодействия с традиционными ресурсными странами, расширении «зеленых инвестиций» в энергетику стран Глобального Юга, содействии технологическому обмену в энергетической сфере с западными странами (которое, однако, с высокой долей вероятности не будет поддержано США и их союзниками).

Реализуя через институты ООН четыре глобальные инициативы (в сферах развития, безопасности, управления и межцивилизационного диалога²⁰) в рамках климатической и энергетической повестки, Китай легитимизирует свои подходы к формированию нового глобального энергетического порядка, избегая прямого противостояния с существующей системой. При этом способность Китая сбалансировать внутренние экономические задачи и внешнепо-

²⁰ Как инициативы Китая прокладывают новый путь к лучшему миру // <https://russian.news.cn/20251222/46635b258a244320a296fe49ef2f96a8/c.html>, дата обращения 18.04.2026.

литические приоритеты определит как темпы его экономического развития, так и динамику трансформации мирового энергетического порядка.

Заключение

Современный глобальный энергетический порядок переходит в фазу асимметричной многополярности, характеризующейся разрушением прежних правил и жестким геополитическим противоборством. Энергетика превратилась в поле острой конфронтации, где США пытаются сохранить свои позиции, используя экономический и даже военный инструментарий, в то время как страны Глобального Юга выстраивают альтернативную глобальную систему управления энергией. Мировой энергетический рынок фрагментируется на конкурирующие блоки. США и ЕС стремятся к дерискингу в форме «декитаизации» цепочек поставок, в то время как Китай укрепляет связи через БРИКС, ШОС и инициативу «Один пояс — один путь».

Будучи главным противовесом доминированию США, Китай стремится сформировать новую архитектуру глобального энергетического рынка, основанную на технологическом лидерстве в энергетическом переходе и планомерном разрушении монополии нефтедолларового стандарта. Тем не менее обострение геополитической конкуренции и переход Запада к более агрессивным методам противодействия (о чем наглядно свидетельствуют действия США в Венесуэле и в Иране) делают трансформацию глобального энергетического порядка длительным, сложным и противоречивым процессом. Одним из значимых элементов этой трансформации выступает рост масштабов сотрудничества между Российской Федерацией, которая является глобальной энергетической сверхдержавой, и Китайской Народной Республикой — крупнейшим потребителем энергии в мире.

Список литературы

National Security Strategy of the United States of America. November 2025 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>, дата обращения 16.04.2026.

中华人民共和国国民经济和社会发展第十五个五年规划纲要 = Полный текст 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития КНР // <https://www.news.cn/politics/20260313/085af5de5a4b4268aa7d87d90817df2f/c.html>, дата обращения 15.03.2026.

Арапова Е. Я., 2025. Геополитика санкций / Под ред. Е. Я. Араповой. М.: Аспект Пресс. 336 с.

- Варнавский В. Г.*, 2025. *Мировая экономика: драйверы, тренды, перспективы*. М.: Весь Мир. 416 с.
- Ергин Д.*, 2018. *Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть*. М.: Альпина Паблишер. 944 с.
- Киселев С. Г.*, 2024. *Геоцивилизации, глобализация и регионализация // Век глобализации*. № 4. С. 158-168. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.13.
- Кришталь И. С.*, 2025. *Рынок углеводородов в 2024 г. // Геоэкономика энергетики*. № 1. С. 6-28. DOI: 10.48137/26870703_2025_29_1_6.
- Миловидов В. Д.*, 2026. *Глобальное доминирование доллара: теория и перспективы // Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2026-70-1-5-14.
- Шаклеина Т. А.*, 2025. *Структурные процессы в международных отношениях в середине 2020-х гг. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. № 4. С. 45-53.
- Boute A.*, 2023. *Energy Dependence and Supply Security: Energy Law in the New Geopolitical Reality*. Oxford: Oxford University Press. 272 p.
- Bouzarovski S., Fuller S., Reames T. G. (Eds.)*, 2023. *Handbook on energy justice*. Cheltenham: Edward Elgar. 360 p.
- Engdahl F. W.*, 2004. *A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order*. London: Pluto Press. 312 p.
- Stokes D., Raphael S.*, 2010. *Global energy security and American hegemony*. Baltimore: JHU Press. 264 p.
- Jinping X.*, 2025. *Taking on the Challenges of Our Times Together and Jointly Advancing Global Climate Governance: Remarks at the Leaders Meeting on Climate and the Just Transition // Gazette of the State Council of the People's Republic of China*. No. 13. Pp. 4-5.
- Joseph G. K., Naz F.*, 2025. *Energy transition, sustainability, and the pursuit of self-reliance (Atmanirbharta): reflections on energy justice in the global South with a special focus on India // Environmental Sociology*. No. 2. Pp. 115-130.
- 董亮, 中国—巴西气候合作的成效、意义与路径 // 当代世界. 2026. № 2. С. 61–67 [Дун Лян, 2026. *Результаты, значение и пути китайско-бразильского сотрудничества в области климата // Современный мир*. № 2. С. 61-67].
- 渠沛然, 油气贸易人民币结算持续向好 // 中国能源报. 2023. 30 октября. С. 010. [Цюй Пэйжань, 2023. *Тенденции к оптимизации расчетов в юанях в нефтегазовой торговле // Китайская энергетическая газета*. 30 октября. С. 10].
- 王海运, 国际能源关系与中国能源外交. 上海: 上海大学出版社, 2015. [Ван Хайюнь, 2015. *Международные энергетические отношения и энергетическая дипломатия Китая*. Шанхай: Изд-во Шанхайского университета. 409 с.]

BNEF. Energy Transition Investment Trends 2025 // https://assets.bbhub.io/professional/sites/24/951623_BNEF-Energy-Transition-Trends-2025-Abridged.pdf, дата обращения 05.11.2025.

IEA. Global Energy Review 2025 // <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2025>, дата обращения 05.02.2026.

IEA. Energy Technology Perspectives 2026 // <https://www.iea.org/reports/energy-technology-perspectives-2026>, дата обращения 18.04.2026.

中国人民银行. 人民币国际化报告 (2025) = Народный банк Китая. Отчет по интернационализации юаня (2025) // <http://www.pbc.gov.cn/huobizhengceersi/214481/3871621/5885243/index.html>, дата обращения 17.11.2025.

中国核能行业协会, 中核战略规划研究总院有限公司, 中智科学技术评价研究中心. 中国核能发展报告 (2026). 北京: 社会科学文献出版社, 2026. [Ассоциация ядерной энергетики КНР и др., 2026. Доклад о развитии ядерной энергетики Китая (2026). Пекин: Изд-во социальной литературы. 267 с.].

Chen FANGO, postgraduate student, Department of Political Science,
Moscow State Linguistic University (MSLU)

Address: 38, bld. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Email: fangboc@mail.ru

ORCID: 0009-0002-0919-385X

SPIN-code: 6437-1022

CHINA'S ROLE IN THE FORMATION OF THE NEW GLOBAL ENERGY ORDER

DOI: 10.48137/26870703_2026_34_2_60

Received: 23.03.2026.

For citation: *Fango C.*, 2026. China's role in the transition of the global energy order. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (34). P. 60–76. DOI: 10.48137/26870703_2026_34_2_60

Keywords: geopolitics, global governance, global energy order, China, Belt and Road Initiative, technological sovereignty, energy security, energy transition.

Abstract

The article examines the transformation of the global energy order, which, according to the author, represents a shift from American hegemony to asymmetric multipolarity with a key role for China. The shifting balance of power is leading to an increased geopolitical uncertainty and a transformation of the global energy order. The author analyzes China's position in this process. While remaining the world's largest importer of hydrocarbons, China is simultaneously becoming one of the technological leaders in clean energy. It is shown that China's energy transition strategy is closely linked to the objectives of domestic economic modernization and ensuring the country's energy security amid geopolitical instability.

The article examines in detail China's foreign policy strategy of forming an «energy superpower» (能源强国), which includes consolidating technological leadership in the energy sector, strengthening influence over global energy policy, promoting the yuan for the dedollarization of global energy settlements, and creating alternative financial institutions. Its implementation relies on multilateral mechanisms (*SCO*, *BRICS*, *ASEAN*), while the main material platform is the Belt and Road Initiative with its new model of «third-party market cooperation» (第三方市场合作模式). Special attention is paid to the influence of two factors on China's external energy strategy: the dominant role of coal in the national energy mix and geopolitical instability in energy-supplying countries.

The authors concludes that the shifting global balance of power makes the transformation of the energy order inevitable, and China, as the world's largest energy consumer, plays a crucial role in the formation of a new global energy order.

References

The 15th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China // <http://www.pbc.gov.cn/huobizhengceersi/214481/3871621/5885243/index.html>, accessed 17.11.2025 (In Chin.)

National Security Strategy of the United States of America. November 2025 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>, accessed 16.04.2026. (In Eng.)

Arapova E. Y., 2025. Geopolitics of Sanctions. Moscow: Aspekt Press. 336 p. (In Russ.)

Varnavsky V. G., 2025. World Economy: Drivers, Trends, Prospects. Moscow: Ves Mir. 416 p. (In Russ.)

Yergin D., 2018. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power. Moscow: Alpina Publisher. 944 p. (In Russ.)

Kiselev S. G., 2024. Geocivilizations, Globalization and Regionalization. The Age of Globalization. No. 4. Pp. 158-168. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.13. (In Russ.)

Krishtal I. S., 2025. The Hydrocarbon Market in 2024 // Geoeconomics of Energetics. No. 1. Pp. 6-28. DOI: 10.48137/26870703_2025_29_1_6. (In Russ.)

Milovidov V. D., 2026. Global Dominance of the Dollar: Theory and Prospects // World Economy and International Relations. No. 1. Pp. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2026-70-1-5-14. (In Russ.)

Shakleina T. A., 2025. Structural Processes in International Relations in the Mid-2020s // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. No. 4. Pp. 45-53. (In Russ.)

Boute A., 2023. Energy Dependence and Supply Security: Energy Law in the New Geopolitical Reality. Oxford: Oxford University Press. 272 p. (In Eng.)

Bouzarovski S., Fuller S., Reames T. G. (Eds.), 2023. Handbook on Energy Justice. Cheltenham: Edward Elgar. 360 p. (In Eng.)

Engdahl F. W., 2004. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. London: Pluto Press. 312 p. (In Eng.)

Stokes D., Raphael S., 2010. Global Energy Security and American Hegemony. Baltimore: JHU Press. 264 p. (In Eng.)

Jingping X., 2025. Taking on the Challenges of Our Times Together and Jointly Advancing Global Climate Governance: Remarks at the Leaders Meeting on Climate and the Just Transition // Gazette of the State Council of the People's Republic of China. No. 13. Pp. 4-5. (In Eng.)

Joseph G. K., Naz F., 2025. Energy Transition, Sustainability, and the Pursuit of Self-Reliance (Atmanirbharta): Reflections on Energy Justice in the Global South with a Special Focus on India // Environmental Sociology. No. 2. Pp. 115-130. (In Eng.)

Dong Liang, 2026. The Effectiveness, Significance and Paths of China-Brazil Climate Cooperation // Contemporary World. No. 2. Pp. 61-67. (In Chin.)

Qu Peiran, 2023. The Trend of RMB Settlement in Oil and Gas Trade Continues to Improve // China Energy News. October 30. P. 10. (In Chin.)

Wang Haiyun, 2015. International Energy Relations and China's Energy Diplomacy. Shanghai: Shanghai University Press. 409 p. (In Chin.)

BNEF. Energy Transition Investment Trends 2025 // https://assets.bbhub.io/professional/sites/24/951623_BNEF-Energy-Transition-Trends-2025-Abridged.pdf, accessed 05.11.2025. (In Eng.)

IEA. Global Energy Review 2025 // <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2025>, accessed 05.02.2026. (In Eng.)

IEA. Energy Technology Perspectives 2026 // <https://www.iea.org/reports/energy-technology-perspectives-2026>, accessed 18.04.2026. (In Eng.)

People's Bank of China. RMB Internationalization Report (2025) // <https://www.news.cn/politics/20260313/085af5de5a4b4268aa7d87d90817df2f/c.html>, accessed 15.03.2026. (In Chin.)

China Nuclear Energy Association, China Nuclear Strategic Planning Research Institute Co., Ltd., China Institute for Science and Technology Evaluation, 2026. Report on the Development of China's Nuclear Energy (2026). Beijing: Social Sciences Academic Press. 267 p. (In Chin.)